

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В ФОРМУЛАХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Е.В. Буденная

НИУ «Высшая школа экономики», Институт языкознания РАН
jane.sdrv@gmail.com

Этой небольшой статьёй хочу выразить особую признательность Андрею Александровичу Кибрику, который в свое время предложил мне заняться исследованием различных референциальных явлений. С тех пор утекло немало лет и разных других проектов, однако местоименные подлежащие оказались поистине неисчерпаемой темой как в синхронической, так и в моей любимой диахронической перспективе. В каком-то смысле именно эти исследования стали началом моего научного пути, который во многом состоялся благодаря Андрею Александровичу, моему научному руководителю и учителю.

1. Введение

Среди диахронических исследований русского языка особое место занимает изучение **референциальных стратегий** — в первую очередь, в отношении подлежащего. В частности, процессу распространения немаркированных личных местоимений и переходу от референциальной модели типа *далъ есмь* (XII в.) к *я дал* (середина XVII в. и далее) посвящена обширная литература (Борковский 1949, Lindseth 1998, Meyer 2011, Кибрик 2013, Madariaga 2018 и др.). В целом исследователи сходятся на том, что массовый переход к модели *я дал*, а также распространение местоименной модели на презентные формы (переход от *даю* к *я даю*) происходит в XVI в. Засвидетельствованный процесс массовой экспансии местоимений коррелирует с утратой глагольных связок в перфекте и именных клаузах и, по видимому, является его следствием (Буденная 2020).

Тем не менее если процесс массового перехода (XV в. и далее) к современной местоименной модели в целом достаточно широко изучен, то референциальные модели текстов более раннего периода отдельно системно не исследовались. Общепринятым в отношении памятников этого времени является тезис о том, что по умолчанию в них использовалась модель без эксплицитно выраженного местоимения (*дал есмь* / *даю*, соответственно). Однако отмечается и то, что в некоторых случаях местоимения все же употреблялись,

причем в немаркированной позиции (Зализняк 2008: 245): *язо солю 4¹ дворяно* ‘Я шлю 4 дворян’ [531, начало XIII в.]. Такого рода употребления не могут быть сведены к утрате форм вспомогательного глагола, случившейся гораздо позже, и являются отдельным предметом исследования.

В.И. Борковский (1949: 105) связывает постепенное увеличение числа немаркированных субъектных местоимений с влиянием эмфатических и контрастивных местоимений, которые, в свою очередь, могли способствовать закреплению двучленной референциальной модели в сознании носителя. А.А. Зализняк (2008: 243), однако, указывает на то, что зона «обязательных» местоимений в диахронической перспективе в целом не менялась и фактически сохраняется в том же виде и в современном языке; в связи с чем А.А. Кибрик (2013: 237) обращает внимание на необходимость фильтрации данных контекстов при изучении экспансии немаркированных местоимений (этот принцип также был взят за основу в работах Буденная 2018, 2020). Тем не менее представляется, что системное изучение контекстов употребления маркированных местоимений тоже способно пролить свет на особенности древнерусской референции до XV в. В частности, интерес представляет сама дистрибуция такого рода моделей: если будет обнаружено, что сам по себе процент эмфатических и контрастивных местоименных вхождений в одних и тех же фиксированных контекстах — в частности, в этикетных формулах — со временем растет, тезис В.И. Борковского о возможном влиянии этих контекстов на остальные может быть дополнительным образом подкреплен.

В связи с этим мы постарались рассмотреть развитие ряда внутритекстовых этикетных формул, теоретически способных принимать местоименное подлежащее первого лица, в диахронической перспективе. Такими формулами являются вхождения с глаголами *покланятися*, *кланятися*, *цгловати* и выражением *челом бити*. В этой работе мы рассмотрим все употребления этих формул в берестяных грамотах.

2. Этикетные формулы: данные берестяных грамот

Весь корпус берестяных грамот был нами предварительно разделен на 3 хронологических периода, в соответствии с работой Зализняк 2004: 1) XI–XII вв., 2) XIII — 1-я половина XIV вв., 3) 2-я половина XIV–XV вв. А.А. Зализняк (1987: 158–159) отмечает, что к XV в. существенно увеличивается процент адресных «почтительных» этикетных формул с адресными субстантивными коррелятами вида *покланяние/поклон/челобитие от X к Y*, по сравнению с нейтральными формулами вида (*грамота*) *от X к Y*. В связи с этим мож-

¹ Числа приводятся в современной арабской передаче.

но предположить, что и процент по крайней мере некоторых внутритекстовых глагольных формул вида *кланяюся, покланяюся, цѣлую, челом бью* со временем также должен увеличиваться (в дальнейшем это подтвердилось для формул с компонентами *кланяюся* и *челом бью*, см. Таблицу 1). Нами эти формулы были рассмотрены на предмет наличия в них местоименного подлежащего.

Анализ берестяных грамот показал, что к концу XIV в. для всех формул, не вышедших из употребления (в частности, *покланяюся* уже в XIII в. заменяется структурно близким *кланяюся* (Гиппиус 2009: 286)), характерно наличие субъектного местоименного подлежащего в сочетании с контрастивным союзом *а*, тогда как в более ранних грамотах подлежащее в соответствующих контекстах отсутствует (см. Таблицу 1). Для всех формул прослеживается стойкая тенденция к исчезновению бессубъектных употреблений и постепенному доминированию моделей с контрастивно выделенным местоименным подлежащим (Рис. 1, χ -квадрат, p -value < 0,001).

В наибольшей степени эволюцию можно проследить на примере формулы с компонентом *кланяюся*. Так, если *покланяюся* и *цѣлую* выходят из употребления уже в начале XIII в., еще не имея местоименного подлежащего, а *челом бью* входит в употребление только в середине XV в., уже с эксплицитно выраженным подлежащим вида *а яз... челом бью*, то формулы с компонентом *кланяюся* представлены на протяжении всех исследуемых периодов. Можно видеть, что к XIV в. ранняя бессубъектная модель вида *кланяюся ти / кланяю ти ся / ся кланяю* постепенно вытесняется моделью вида *а яз(о) ... кланяюся*:

(1) [175, XII в.]

... не деле *а тебе **ся кланяю*** ‘...а тебе кланяюсь’

(2) [765, XIII в.]

*а уомилоседри[с]я братъ дае ми место зади не на цеме ся кормити и **кланяю ти ся***

‘Умилосердись же, брат, дай мне место на задах: не на чем кормиться. Кланяюсь тебе’.

(3) [501, 1-я пол. XIV]

*подо[б]оро [п]о[ѣ]ни по размери [i] мене юни **а яза тебе колонеюся***

‘Умилосердись же, брат, дай мне место на задах: не на чем кормиться. Кланяюсь тебе’.

(4) [414, сер. XIV]

*а цто буде надобе жене можи и ты брате смене даи жене можи **а язо тебе много кланяюся***

‘А если что будет надобно жене моей, то ты, брат Семен, дай жене моей. А я тебе низко кланяюсь’.

Таблица 1. Распределение внутритекстовых формул
покланяюся, кланяюся, цѣлую и челом бью

Глагол	Наличие/отсутствие местоименного подлежащего	XIII —		
		XI–XII вв.	1-я половина XIV вв.	2-я половина XIV–XV вв.
<i>покланяюся</i>	+ pronoun ²	0	0	N/A
	– pronoun	5	1	N/A
<i>кланяюся</i>	+ pronoun	0	5	8
	– pronoun	7	8	2
<i>цѣлую</i>	+ pronoun	0	0	N/A
	– pronoun	10	2	N/A
<i>челом бью</i>	+ pronoun	N/A	N/A	9
	– pronoun	N/A	N/A	3
Всего	+ pronoun	0	5	17
	– pronoun	22	11	5

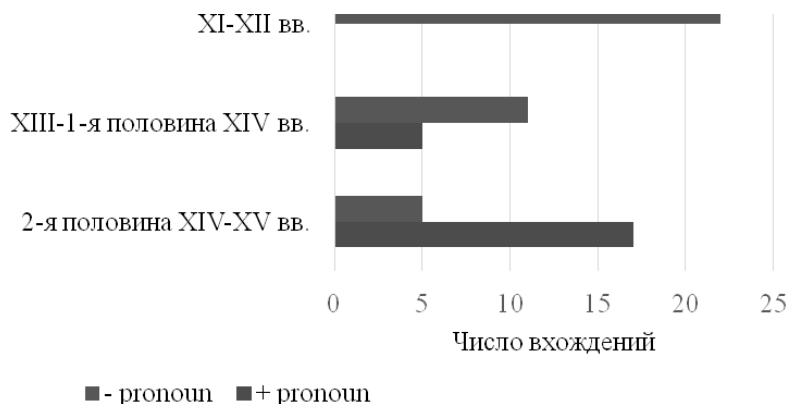

Рис. 1. Дистрибуция моделей с местоименным подлежащим в этикетных формулах

(5) [186, 2-я пол. XIV]

возми оу кануниковыхо десять лосои а другую десять возми оу данилки оу бѣшкова а даи смѣну флареву а язю тобѣ ся кланяю

‘Возьми у Канунниковых десять лососей, а еще десять возьми у Данилки Бешкова; и отдай [всё] Семену Флареву. А я тебе кланяюсь’.

² Здесь и далее этой пометой обозначается наличие (+) и отсутствие (–) местоименного подлежащего.

А.А. Зализняк связывает период конца XIV–XV вв. со становлением четкой социальной дифференциации («этикетного раболепия» (1987: 159)), отразившейся в грамотах путем увеличения числа «почтительных» формул. Можно полагать, что различия в социальном статусе отправителя и адресата накладывали свои ограничения не только на саму структуру письма, но и на референциальную модель: переключение референции с помощью оборота **а яз** дополнительно позволяло разграничить фрагменты дискурса, относимые к разным по социальному статусу персонажам. Примечательно, что само по себе употребление контрастивного союза **а** на ранних этапах не влекло за собой обязательное употребление местоимения (1): очевидно, его появлению способствовали дополнительные прагматические факторы. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что подобные элементы изредка имели место и ранее, в неформульных контекстах, когда отправитель стремился противопоставить себя адресату, см. (6–7):

(6) [959, сер. XI в.]

... то ти (еси пор)оуб[л](ъ) оу мене кобылоу **а язъ** не в[и](новат)[ъ]
 ‘Вот ты конфисковал у меня кобылу. А я в этом [деле] не виноват’.

(7) [752, XII в.]

а въ сю недѣлю цѣтъ до мнѣ зѣла имееши оже е[с]и къ мнѣ
^{н[ѣ] при]}ходилъ **а язъ** тя есмѣла акы братъ

‘Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (или: в это воскресенье) ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату!’

Можно предположить, что осознаваемая разница в социальном статусе дополнительно способствовала развитию модели с переключением референции и появлением контрастивно выделенного субъектного местоимения.

3. Заключение

Анализ этикетных формул с субъектом первого лица, представленных в берестяных грамотах, показал, что к концу XIV в. все они начинаются употребляться в формате модели с контрастивно выделенным субъектным местоимением. Данный факт совпадает с социокультурным контекстом конца XIV–XV вв., при котором устанавливаются четкие различия в социальном статусе персонажей. Последнее могло отражаться и в референциальной структуре берестяных грамот, в связи с чем модель с эксплицитно выраженным подлежащим постепенно закреплялась. Можно предположить, что она в дальнейшем влияла и на развитие местоименной модели в других, уже менее маркированных контекстах, в связи с чем массовое распространение место-

имений в XVI в. в связи с перестройкой системы глагольных времен, пришлось на дополнительно подготовленную почву. Данные других древнерусских текстов и их взаимосвязь с системой, представленной в берестяных грамотах, остаются за рамками нашей работы и являются предметом будущих исследований.

Л и т е р а т у р а

- Kibrik A.A. 2013. Peculiarities and origins of the Russian referential system. In: D. Bakker and M. Haspelmath (eds.). *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Berlin: Mouton de Gruyter, 227–263.
- Lindseth M. 1998. *Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian*. München: Sagner.
- Madariaga N. 2018. Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: the case of Russian. In: J. Casalicchio and F. Cognola (eds.). *Null Subjects in Generative Grammar. A synchronic and diachronic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 171–198.
- Meyer R. 2011. *The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation)*. Habilitation Thesis. Regensburg: University of Regensburg.
- Борковский В.И. 1949. *Синтаксис древнерусских грамот: простое предложение*. Львов: Издательство Львовского государственного университета.
- Буденная Е.В. 2018. *Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала*. Дисс... на соискание степени кандидата филологических наук (10.02.20). МГУ.
- Буденная Е.В. 2020. В поисках триггера: книжные и некнижные тексты как маркеры различных аспектов русской референциальной эволюции. *Slověne*, v. 9, n. 2, 210–243.
- Гиппиус А.А. 2009. Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот. В кн.: Л.Л. Федорова (ред.). *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*. М.: РГГУ, 279–300.
- Зализняк А.А. 1987. Текстовая структура древнерусских писем на бересте. В кн.: Т.В. Цивьян (ред.) *Исследования по структуре текста*. М.: Наука, 147–182.
- Зализняк А.А. 2004. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянских культур.
- Зализняк А.А. 2008. *Древнерусские энклитики*. М.: Языки славянских культур.